

СВЕТЛАНА БАРМАТОВА,

кандидат социологических наук, доцент
Международного Соломонова университета

Место и роль политической коммуникации в трансформации украинского общества

Abstract

The author analyses transformations which: 1) occur in the system of political communications; 2) are broadcast to a society through political discourse and determined as parameters of political communication system. Being one of the most mobile spheres reflecting changes occurring in a society, political communications are good for studies on social transformations. They include subjective and objective aspects of social interaction between society members; changes in communicative and rhetorical tradition always mean changes in political strategies: attributes and signals of political changes are usually well seen in speech structures.

Политическая коммуникация как одна из наиболее мобильных сфер отражения изменений, происходящих в обществе, является благодатной средой для изучения трансформационных процессов. В коммуникативном взаимодействии (в частности, в политической коммуникации) сочетаются субъективные (личностные) и объективные (общественные) аспекты социального взаимодействия между членами социума, а смена коммуникативно-риторической традиции предвосхищает изменение политической стратегии: как правило, признаки и сигналы политических изменений обнаруживаются, в первую очередь, в речевых структурах.

Задачами предлагаемой статьи являются: 1) анализ трансформационных процессов, происходящих в самой системе политической коммуникации и транслируемых обществу через политический дискурс; 2) определение параметров системы политической коммуникации трансформирующегося общества с точки зрения изменения ее места и роли в системе общественных отношений; 3) описание функциональных обязанностей политических акторов разных уровней, принимающих участие во всех видах коммуникативного взаимодействия в поле политики.

Трансформации, происходящие в обществе, изучаются многими украинскими социологами, однако рассмотрение этих изменений сквозь призму системы политической коммуникации пока не нашло должного отражения в их исследованиях. Среди тех, кто занимается данной проблемой, следует назвать Н.Костенко, Ю.Сороку [см.: 1].

Определяя параметры трансформирующегося общества (в частности, Украины), место и роль в нем политической коммуникации, целесообразно исходить из двух факторов: системных характеристик открытого и закрытого общества и социальной реальности конкретного общества.

Под открытой системой в рамках данного исследования понимается устойчивая (способная в течение определенного времени сохранять неизменной свою структуру и поддерживать динамическое равновесие со средой), стабильно развивающаяся система, члены которой руководствуются в своей жизни рациональными (основанными на здравом смысле и рациональности) законами, выработанными данной системой.

Открытая социальная система должна обладать следующими основными признаками: демократизмом всей общественной жизни, при котором индивид должен самостоятельно принимать решения по широкому кругу вопросов и заботиться о себе, не надеясь на помощь государства, и рациональностью большинства сфер общественной деятельности, что подразумевает создание строгих законов и норм, основанных на непреложных требованиях разума.

Принцип функционирования открытой социальной системы — постоянный, интенсивный обмен ресурсами с внешней средой, что обеспечивает развитие системы. Информация занимает ведущую роль в процессе функционирования открытой системы.

Политическая подсистема при этом имеет самостоятельный характер, наравне с экономической и информационной; взаимодействие подсистем основано на принципе обратной связи. Открытая система предлагает своим подсистемам не жестко закрепленную структуру, где взаимозависимость между ними определяется и регулируется единым “центром управления”, а гарантии того, что каждая подсистема может формировать собственную модель взаимодействия (в том числе и информационного) между своими элементами, а также с иными подсистемами. Однако здесь есть определенные ограничения, связанные с идеологией¹, логически обоснованной рациональным сознанием.

Информационная подсистема формирует информационное пространство как совокупность разнонаправленных информационных полей, основанных на потоках информационных событий, воспроизводимых подсистемными институтами.

Поскольку политическая подсистема занимает обособленную по отношению к информационной подсистеме позицию, информационные взаи-

---

1

Идеология в открытой системе представляет собой совокупность нескольких групп убеждений, в том числе политических: 1) которых придерживаются те или иные социальные группы (в выстраивании жизненных стратегий); 2) которые основаны на базовых характеристиках менталитета; 3) которые формируются не мнением большинства, а доминирующей (не количественно, а качественно) в данный момент, наиболее активно выражаемой позицией.

мосвязи внутри нее развиваются не вертикально, а горизонтально (то есть не “пронизывают” все общественные явления, политизируя их, а обеспечивают устойчивые информпотоки между элементами самой политической подсистемы). Это важное ограничение проникновения политики во все сферы жизни. Таким образом, нет информационной предпосылки для создания единой иерархической структуры.

Функционирование информационной подсистемы предполагает насыщенность информационных потоков; в случае нарушения канала связи изменяются его качественные характеристики, что может повлиять на структуру системы. Каждый элемент уникален; его замена влияет и на канал связи, и на характер информации — как на форму, так и на содержание.

Рассмотрим характер информационных связей в открытой системе:

1. Направленность связи — как горизонтальная, так и вертикальная, предполагающая наличие обратной связи, без которой система не может развиваться. То есть происходит постоянный информационный обмен между всеми подсистемами общества. При этом информационная подсистема выполняет технологическую функцию, обеспечивая “систему каналов” для такого обмена, и не претендует на формирование содержания этих обменов.

2. Эффективность связи — высокая в количественном измерении. Характер потоков передаваемых сигналов — непрерывный (каждая подсистема, наращивая как внутренние, так и внешние информпотоки, обеспечивает свое саморазвитие и устойчивость). Основной побуждающей причиной связи является необходимость получения ответной реакции.

Качественные показатели:

- a. Каждый отдельный элемент системы (подсистема) ориентирован на восприятие, переработку и передачу информации.
- b. Пропускная способность каналов связи — максимальная, и информация всегда востребована. Хотя на входе и на выходе системы имеются системные фильтры, они не препятствуют этому, а скорее делают систему более “удобной”, “подготавливая” информацию к потреблению в соответствии с требованиями системы.

Такие фильтры выполняют две функции:

- информация не отвергается, а подвергается переработке;
  - ограничивается поступление такой информации, которая может нарушить внутреннюю целостность системы и привести к разрушению.
- c. Достижимость информации — максимальная, так как внутри подсистемы активно функционируют горизонтальные информационные поля, а во внешних контактах отсутствует информационный диктат со стороны одной из подсистем (например, политической).

Социальная система использует коммуникации для успешного функционирования подсистем и институтов. Информационная подсистема в открытых социальных системах служит для обеспечения горизонтальных информационных потоков между подсистемами на основе информационных событий, а количество вертикальных информационных потоков при этом минимально.

Информация выступает первичным, формирующим системные связи элементом. Отсюда — тенденция масс-медиа к фактографичности, отражению жизни такой, как она есть. То есть “первичное информационное поле”

совпадает со “вторичным”, формируемым СМИ, а это ограничивает, в некоторой степени, его возможности манипуляции политической подсистемой.

В открытой системе социальная структура совпадает с информационным строением системы.

В противовес этому, закрытая система, согласно Бергсону, характеризуется тем, что ее представители в своей жизни руководствуются нерефлексируемыми мифами и нормами, трансформируемыми с помощью устоев и традиций в некоторые предписания и законы [2, с.40].

Между этими двумя полюсными состояниями существует два “переходных” — переход от закрытого к открытому состоянию и переход от открытого состояния к закрытому. В рамках нашего исследования представляет интерес именно первое из них.

Каким бы ни было государственное устройство, социальная система воспроизводит все отношения на основе господствующих установок, исторически сложившихся к данному моменту. Соответственно, любая подсистема (например, информационная) функционирует в заданных ранее рамках. Для того чтобы переломить эту тенденцию, необходимо очень сильное воздействие на базовые характеристики социальной системы, поскольку иначе она “будет отвечать на недостаточно радикальные изменения возникновением сильных тенденций возврата к старому режиму” [3, с.151]. Исходя из мировой практики, для нормального перехода от закрытой к открытой системе необходима смена двух-трех поколений для формирования нового мировоззрения — время, достаточное для переструктурирования и легитимации новой системы.

Переход социальной системы в качественно другое состояние происходит, разумеется, не на пустом месте; общественные процессы, предвещающие переход к открытому состоянию, начинаются в закрытой системе. Так, можно условно выделить три этапа в переходном периоде: первый, когда в социальной системе начинаются такие скрытые процессы, но при этом все происходит в рамках закрытой системы; второй, или пик изменений (точка бифуркации), когда скрытые процессы “проявляются”, выходят на поверхность, и третий, когда происходит либо возврат к закрытой системе, либо трансформация в сторону открытой.

На первом этапе наиболее значимый для изменения фактор и, видимо, наиболее важный для современных социальных систем — это потеря харизматического лидера, который режиссировал закрытую систему. Для общественного сознания эта потеря является тем информационным событием, которое нарушает представление о стабильности и сигнализирует о неизбежности изменений. Но этого, что очевидно, недостаточно, поскольку все остальные признаки (замкнутость, сплоченность, иерархию и т.п.) система сохраняет.

По этой же причине приход нового лидера, который попытается “сверху” изменить систему, ни к чему не приведет, наоборот, социальная система попытается любым способом его вытолкнуть, так как она еще не отошла от предыдущего потрясения.

Но это событие, тем не менее, является необходимой предпосылкой, способствующей началу изменений. При этом в переходный период основные признаки закрытой системы некоторое время сохраняются, трансформируясь следующим образом: ослабляется контроль и групповая дисциплина; социальная система становится не в такой степени сплоченной, так

как появляются “инакомыслящие”, которые ранее вытеснялись за рамки системы или уничтожались. Это влечет за собой дифференциацию общества по группам. Система постепенно теряет закрытость (например, разрешается выезд за границу). В остальном же (в экономической и политической подсистемах) признаки закрытой системы сохраняются. То есть в первую очередь происходят внутренние изменения в массовой психологии и информационном поле системы, что подготавливает более кардинальные изменения. Индивиды становятся источниками внутренних флуктуаций — незначительных, но необходимых для постепенного “раскачивания” социальной системы изнутри.

Информационная подсистема также продолжает функционировать в заданных ранее рамках. Однако происходит отрыв символических универсумов от сознания большей части их носителей, старые символы системы не отвечают новой реальности, но при этом сохраняется их функция обеспечения привычности и стабильности для бытового сознания. Они конструируют видимую реальность (архитектура, пресса), но не влияют на реальные процессы.

Это отражается на особенностях группового сознания — если в закрытой системе конфликт видится как разрушительное начало и, в принципе, пресекается системой на любом уровне, то в начале переходного этапа начинают формироваться “двойная” мораль и “двойные” стандарты поведения, которые постепенно приводят к разрыву между официальной и бытовой идеологией. Идеология как цементирующее начало общества теряет свою мифологизирующую роль.

Незначительно меняются и принципы функционирования СМИ. Так, информационное поле по-прежнему формируется в соответствии с принципами закрытой системы, то есть СМИ поставяет информацию, генерируемую политической подсистемой.

Характеристики информационного поля, формируемого официальными СМИ, остаются прежними — оно обладает максимальной широтой и охватом и состоит из максимально насыщенных информационных потоков, сохраняющих преимущественно одностороннюю вертикальную (сверху вниз) направленность.

При этом происходит частичное изменение характера информационных связей:

1. Направленность связи — преимущественно односторонняя и вертикальная (сверху вниз). Но наряду с прямой связью формируется обратная положительная. То есть культивируется “обмен мнениями” через читательскую почту и т.п., что обеспечивает “эффект вовлечения” в диалоговую модель связи.

2. Эффективность связи в количественном измерении уже не максимальна, но приближается к максимуму.

- а. Характер потоков передаваемых сигналов становится скорее дискретным. Социальная система перестает их воспринимать, поскольку частично не срабатывают старые идеологические конструкты и мифологемы. При этом несколько смещаются акценты — СМИ не только передают поставляемую политической системой информацию, но и (например, в лице отдельных журналистов) начинают формировать отличную от официальной социальную позицию.

- b. Основные побуждающие причины связи остаются теми же, что и в закрытой системе. То есть связь между подсистемами по-прежнему вызвана необходимостью формирования социальной системы через жесткое упорядочивание ее политической подсистемой.

Качественные показатели:

- a. Информационная подсистема по инерции ориентирована на воспроизводство стабильной сформированной картины мира. СМИ начинают формировать картину мира, не столько на основании информационных событий, сколько на лексическом уровне.
- b. Пропускная способность каналов связи высокая — любая информация контролируется одной подсистемой, политической.
- c. Снижается досягаемость информации, поставляемой политической подсистемой, т.е. все больше времени требуется для кодирования информации политической подсистемой (с точки зрения насыщения ее значимыми для иных подсистем кодами) и декодирования информации другими подсистемами.

3. Механизм изменения функционирования подсистем становится менее жестким. Подсистема СМИ по-прежнему формирует с достаточно высокой эффективностью вертикальные информационные потоки, но влияние последних на горизонтальные информпотоки снижается. Иначе говоря, снижается степень политизированности информационных горизонтальных полей (наряду с политизированностью общества), и социальная система демонстрирует крен в сторону неполитической информации.

Кроме того, поскольку общество начинает дифференцироваться, появляются альтернативные СМИ (“Самиздат”), не санкционированные властями; то есть появляются альтернативные информационные потоки.

Все описанное выше можно назвать подготовительным этапом к качественному изменению социальной системы, на котором внутренние изменения происходят в рамках закрытой системы на психологическом и информационном уровнях.

На первом этапе перехода от закрытой системы к открытой реформа политической системы носит ограниченный характер: “...правлящая элита идет на признание демократической конкуренции, но одновременно стремится гарантировать сохранение за собой контроля над государственной властью” [3, с.72].

На этом этапе трансформаций происходит потеря режимом легитимности, возникновение и усиление неоднородностей (социальных, экономических, психологических, информационных и т.д.) внутри социальной системы. Изменения в политической системе отражаются на информационной системе, содержание ее меняется, хотя отношения между политической и информационной подсистемами некоторое время остаются прежними — правящая элита еще хочет сохранить за собой контроль, в том числе и за информационной подсистемой, используя при этом наряду с традиционными (идеологическими) и экономические рычаги.

Если на этом этапе сформировалась новая элита и внутренние настроения в социальной системе изменились в сторону открытого состояния, то информационная система будет изменяться в первую очередь за счет давления сверху, поскольку события развиваются в рамках старой закрытой сис-

темы. Информационная подсистема постепенно формирует новые настроения, активируя скрытые формы.

На следующем этапе происходит смена элит, система становится более открытой для внешних воздействий, и все векторы трансформации совпадают. Изменения в идейно-политической сфере влекут за собой изменения и в экономическом плане (“переход от слов к делу”), когда все прежние связи окончательно распадаются и происходит формирование новых.

Социальная система постепенно накапливает энергию и информацию, необходимую для изменений. Иначе говоря, когда все факторы имеют один вектор направленности, движение в сторону того или иного состояния ускоряется, и скрытые процессы выплескиваются на поверхность. В системе наступает пик изменений (точка бифуркации), подготовленный всеми предыдущими условиями.

Изменения происходят в первую очередь в уже “отмерших” элементах, то есть в сфере идеологии (информационной подсистеме), СМИ только констатируют процессы. Нарушаются прежде всего принципы функционирования и формирования вертикальных информационных потоков, что приводит к нарушению управления обществом и, на некоторое время, к самостоятельности СМИ.

Система в процессе перехода от закрытости к открытости близка к хаосу и представляет собой совокупность элементов, связи между которыми постоянно претерпевают качественные изменения, находятся в состоянии флуктуаций и максимально подвержены воздействию.

Границы социальной системы открываются, повышается уровень восприятия поступающей извне информации. Общество лишается мифологизированных героев — в силу того, что исчезают привычные стереотипы. Человек обязан сам конструировать свою жизнь, и для обывателя это невыносимо. Для индивидов, воспитанных старой системой, наступает “ломка сознания”; нет устоявшихся ориентиров, и нужно выбирать их самостоятельно. Человек может либо правильно понять общее направление движения, либо неправильно, и тогда он будет раздавлен движущейся массой. В личном плане от индивида требуются проявление инициативы, пренебрежение к авторитетам, творческий поиск для поддержания высокого уровня социальной мобильности, индивидуализм, эгоцентризм и, вместе с тем, гуманизм как уважение к самобытности и самовыражению личности.

Основные показатели в общественной жизни на этом пике изменений, свидетельствующие о переходе системы к открытости, — рывок в развитии, так как внешние факторы стимулируют внутренние, активизация рыночных отношений, социальные потрясения, перевороты, болезненная социальная мобильность, требующая все нового и нового передела благ и привилегий, усиливающаяся социальная дифференциация, рост преступности как форма адаптации к новой социальной структуре, спонтанный, непредсказуемый с позиций обывателя характер социального насилия, что обусловлено меняющимся балансом противостоящих сил и группировок.

Наблюдается усиление демократических начал, стремление к созданию гражданского общества. Происходит пересмотр конституционных принципов и развитие парламентаризма, формируются независимые друг от друга исполнительная и законодательная ветви власти, создается профессиональная армия.

Наблюдается также тенденция к самоопределению частей системы, к размежеванию их внутри целого — тяга к федерализму, автономии, местному самоуправлению, вплоть до выраженного в идейных, политических, конституционных формах стремления к обособлению отдельных территорий. В случае чрезмерной независимости исполнительных органов (особенно на региональном уровне) возрастает опасность возврата к тоталитаризму.

В точке бифуркации резко повышается роль информационной подсистемы: поскольку информационные связи достаточно эффективны, именно СМИ могут определить дальнейшее развитие социальной системы. Если на предыдущих этапах развития цивилизации межсистемный обмен осуществлялся на основе войн, торговли и т.п., то на этом этапе первостепенную роль играет информация, создание мировой коммуникационной среды. С точки зрения информационного подхода возможны два варианта изменения системы: благодаря мощному информационному потоку извне, который способен взломать систему даже при закрытых входных каналах, и под действием “информационных ручейков”, размывающих закрытую систему снизу и изнутри.

На пике изменений свобода прессы понимается как нечто, само собой разумеющееся. Отчасти за счет повышенного внимания к информативности продукции масс-медиа смещаются критерии профессионализма в журналистике в сторону сиюминутной фактуальности.

На пике изменений социальной системы резко изменяются характеристики информационной связи:

1. Направленность связи — горизонтальная и вертикальная, двусторонняя, предполагающая обратную связь, положительную и отрицательную. То есть можно говорить, что для переходного периода характерны все типы информационных связей.

2. Эффективность связи — в количественном измерении уже не максимальная:

- a. Характер потоков передаваемых сигналов дискретный. Социальная система не может усваивать всю циклирующую в ней информацию, поскольку в такой системе (а значит, и в пространстве ее информационной подсистемы) одновременно транслируются иногда совершенно противоположные интенции (с одной стороны, теряющих свои реальные позиции, но, благодаря устойчивости стереотипов, еще функционирующих элементов старой политической подсистемы, а с другой — приходящих на смену им элементов системы новой).
- b. Основная побуждающая причина связи — формирование ответной реакции. Происходит формирование системы взаимодействия общественных подсистем в их новых рамках и устанавливается формат информационных потоков.

Качественные показатели:

- c. Информационная подсистема формирует новую динамичную картину мира.
- d. Пропускная способность каналов связи снижается в силу резкого усиления дифференциации общества.
- e. Достижимость информации повышается. Вместо “единого центра” информации — политической подсистемы — образуется ряд равноправ-

ных (центр информации перемещается во внутрь каждой подсистемы), что существенно меняет механизм формирования информации.

3. Механизм изменения функционирования подсистем становится более гибким. Для согласования взаимодействия между подсистемами не нужно “получать добро” со стороны, достаточно, чтобы существовала договоренность между участниками информационного контакта.

Информационные потоки формируются на основании информационных событий. Если пик изменений пройден успешно, то есть возврат к прежней системе явно невозможен, то роль СМИ изменяется — данная подсистема становится площадкой для выражения различных идей. Информационная подсистема (в том числе СМИ в системе, переходящей к открытому состоянию) формирует ограниченное (политико-экономическими интересами владельцев информационных ресурсов) множество информационных полей — с тенденцией к увеличению. Формируется новая информационная система из множества информационных полей (под-) институтов. При этом, с одной стороны, информационная подсистема обеспечивает формирование идеологии, а с другой — вследствие разнонаправленности потоков информации и утраты прежних установок индивид теряет ориентиры и по инерции возлагает ответственность за собственное благополучие на государство.

Наряду с дифференциацией общества происходит и дифференциация СМИ — появляются специализированные издания, которые ищут “своего” читателя и пытаются выжить за счет тиража. Но в кризисные периоды СМИ не всегда в состоянии сделать это и ищут внешние источники финансирования, что приводит к информационным войнам.

Однако для понимания сегодняшнего состояния украинского общества (и его информационной подсистемы) и отнесения его к категории “переходных”, а также для анализа системы украинских политических коммуникаций одних системных характеристик недостаточно.

Уникальность постсоветского (и, в частности, украинского) транзита проявляется уже на уровне теоретического обоснования. Например, с точки зрения традиционных теорий, утверждение демократии предполагает почти полную трансформацию политической культуры поставторитарного периода. Украина же до сих пор не имеет общей культуры как целостной системы “символов” и “правил поведения”, разделяемых всеми группами и обеспечивающих необходимый для нормальной жизни индивидов общий порядок.

С точки зрения процесса трансформации политической культуры, показательны следующие цифры. Желание жить в лучших условиях как мотив голосования называют 15% украинских избирателей, что свидетельствует о низком уровне их политической идентификации, то есть в условиях демократии человек не вполне осознает, что условия жизни в значительной мере зависят от его политического выбора. Общим низким уровнем политической культуры характеризуются и те 15% избирателей, которые голосовали по подсказке членов семьи, знакомых или начальства, а также те, кто вообще не может объяснить свой выбор.

Такие избиратели, не солидаризирующиеся с той или иной политической силой, по своему уровню культуры не готовы к демократическим выборам [4, с.59–60].

Некоторые ученые (например, Р.Гюнтер) считают, что демократический режим может стать “достаточно утвердившимся в относительно короткий пе-

риод времени” [5, с. 142–143]. Они формулируют тезис о необходимости выделения в посткоммунистическом переходе двух разных процессов:

- во-первых, разрушения существовавших до этого структур авторитарной власти;
- во-вторых, создания новых политических структур, которые должны занять место прежних.

На наш взгляд, Украина сейчас находится только в самом начале развития второго процесса, причем ее “переход” (как и других постсоветских государств) отягощен затяжным характером трансформаций и определенными экономическими и социальными проблемами.

Необычность ситуации в Украине, в сопоставлении с другими посткоммунистическими странами, состоит в том, что масс-медиа (как фактор, конструирующий публичную сферу) имеются, между тем как существование общего для всех пространства, свободного от контроля власти, весьма проблематично.

Речь идет о позиции, которую медиа занимают в отношении публичной сферы. Исторически они складываются как часть публичности, некий орган публики в ее стремлении определиться и утвердиться в мнении, отличном от мнения доминирующих в пространстве власти групп. Первоначально медиа были преимущественно публичными и некоммерциализованными. В Украине же ныне ситуация иная: медиа, особенно негосударственные, коммерциализованы, и преимущественно непубличны, то есть они больше представляют себя, чем публику; они не на стороне власти, но и не на стороне публики [1, с.29].

В рамках украинской политической системы коммуникации между ее элементами, а также между политической системой и обществом зачастую сводятся к весьма ограниченному ряду функций:

- передача “нужной” информации финансово-политико-медиа-группами и отдельными “агентами влияния” “Главному читателю” и “Главному телезрителю” государства;
- обмен политическими “предупреждениями” между финансово-политико-медиа-группами через подконтрольные им СМИ;
- политическая реклама “своих” игроков;
- компрометирование политических конкурентов;
- “разведка” реакции конкурентов и вышестоящих игроков политического поля на определенные идеи с целью определения возможности и последствий их реализации;
- создание соответствующего медиа-климата.

Из сферы политической коммуникации по-украински “выпадает” функция обратной связи (если не считать таковой “письма читателей” и “письма граждан”, которые имеют обыкновение появляться в нужное время), а также механизм публичных дискуссий с привлечением экспертов, различных “групп интересов” и широкой общественности (известный как процесс массовых консультаций по общественно значимым проблемам, или делиберативный процесс).

При этом утрачивается основной смысл политической коммуникации — создание предпосылок публичной политики и публичной власти, то есть власти, которая пользуется поддержкой и доверием граждан, составляю-

щих структурированные социальные группы (гражданское общество), ведущие публичную дискуссию о разработке, принятии и продвижении властных решений. Таким образом, не обеспечивается прозрачность политического процесса и политической борьбы.

В украинских реалиях эффективная политическая коммуникация отсутствует практически на всех уровнях:

- на уровне партий — редкая партия поддерживает стратегические коммуникации внутри своих структур и между структурами различных уровней и регионов, не практикуется выработка в первичных организациях партии проектов решений, принимаемых партией на национальном уровне;
- на уровне взаимодействия партий и действующей власти — обмен информацией происходит между отдельными игроками, а не между институтами и структурами;
- на уровне связей партий и властных структур с общественностью — то, что в Украине называют “PR”, на самом деле является односторонним потоком партийной агитации, далеко не всегда учитывающей реакцию на нее общественности, поскольку обратная связь отсутствует.

Одним из парадоксов украинских СМИ есть то, что, наращивая влияние, они, за редкими исключениями, становятся более уязвимыми и, как результат, более зависимыми.

Политики живут и действуют в режиме мифа, столь многократно озвученного и описанного в СМИ, что он превращается в “реальность”, которая и предлагается избирателю. При этом политики и государственные деятели — от президента до лидера любой из многочисленных партий — публично заявляют, что у нас нет независимых СМИ, поскольку “все кому-то служат”, публично сокрушаются по этому поводу, одновременно затрачивая порой титанические усилия на установление контроля над СМИ или хотя бы получение “гарантированного” доступа к ним.

Проблемы политической коммуникации в украинском обществе можно обобщить следующим образом:

- власть закрыта от граждан и представляет только саму себя (для примера достаточно спросить лидеров политических партий, чьи интересы они представляют): должностные лица, организации, партии не заинтересованы в предоставлении гражданам полной информации о своей деятельности;
- власть в целом, отдельные должностные лица и политики оказывают давление на СМИ, используя широкий арсенал средств — от несовершенства законодательства и отсутствия подлинно независимой судебной власти до “прикорма” и угроз;
- сами СМИ часто не заинтересованы в обнародовании полученной ими информации;
- общество в целом пассивно воспринимает информацию в СМИ о злоупотреблениях властей, например, даже “дело журналиста Гонгадзе” и “кассетный скандал” не смогли всколыхнуть общественность;
- отсутствуют осознанная необходимость, стратегии и механизмы коммуникации между политическим “классом” и обществом (своеобразное “отделение страны от государства”).

Политическая коммуникация в Украине имеет еще одну особенность — украинцы продолжают демонстрировать немислимую для гражданского общества “толерантность” к возможным (и уже случившимся) нарушениям законодательства вообще и законодательства об обеспечении свободы слова в частности [см.: 6].

Большинство информационных материалов в СМИ о политике сводятся к тому, кто и почему присоединился (или не присоединился) к определенному блоку, как и между кем делятся места в избирательных списках, сколько административного ресурса контролирует то или иное политическое образование и насколько близко оно от “Главного политика” Украины. Избирателям же, чтобы получить более-менее полное представление о том, что же на самом деле происходит в государстве и почему происходит так, а не иначе, приходится ежедневно просматривать как минимум четыре-пять газет и новости в подаче трех каналов. Речь идет, разумеется, о тех избирателях, у которых имеется такая возможность и желание.

Процесс политической коммуникации значительно усложняется тем, что лишь около 20% украинских избирателей регулярно читают газеты, а 80% получают информацию практически исключительно при помощи телевидения (что и определяет выбор телевидения как основного средства донесения политической информации до потенциального избирателя). Подавляющее большинство избирателей получали информацию о парламентских выборах 1998 года и президентских выборах 1999-го из телепередач. Уровень доверия к СМИ остается довольно низким. Согласно результатам опросов, проведенных в первой половине 2001 года фирмой “Социс” и Фондом “Демократические инициативы”, им доверяют 22% опрошенных и не доверяют 18%. Показательно, что несмотря на невысокий уровень доверия украинцев к СМИ, они все-таки оказываются в ряду институтов, пользующихся наибольшим доверием [6, с.22].

Несмотря на такие серьезные проблемы, связанные скорее даже не с внутренними недостатками системы СМИ, а с “наследием” прошлого (слабость политических элит и т.п.), институционализирующие медиа-механизмы распространяют свое действие на все уровни социальной организации, так как, по наблюдению Н.Костенко, “большинство институционализирующих процессов не обходится без участия медиа, так как нуждаются в признании и непременно требуют публичной арены” [7, с. 464].

Затянувшаяся трансформация украинского общества привела к возникновению внутрисконструктурного конфликта, который выразился в дальнейшем разрушении системы политической коммуникации. С одной стороны, сами медиа “застряли” на этапе “прямого представительства” политических интересов и даже их декларирования, который, по сути, соответствует уровню перехода от закрытой системы к открытой. При этом говорить о политической незаангажированности медиа в украинском обществе не представляется возможным. С другой стороны, общество (отчасти в силу живучести стереотипов) по-прежнему ждет от медиа “указующих” политических рекомендаций и, разувверившись в их возможности быть независимыми, все больше теряет доверие и к ним, и к самой политике.

Таким образом, чтобы адекватно воспринимать политическую коммуникацию в политической жизни общества, необходимо прежде всего сам процесс становления системы политической коммуникации рассматривать

как отдельный социальный процесс, не отягощая его идеологической составляющей (не перенося все сложности разрешения политических проблем украинского общества только на эту составляющую политической сферы). Вместе с тем, в рамках сегодняшней политической ситуации следует строго соотносить возможности каждого из каналов политической коммуникации с использующими их политическими акторами.

Литература

1. Медиа в выборах: между политикой и культурой (контент-анализ политической прессы) / Под ред. Н.Костенко. — К., 1999; *Сорока Ю.Г.* Медиа образ социальной структуры и проблема номинаций социальных агентов // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. — Харків, 2003.
2. *Данилова Е.Е.* Информационное развитие социальных систем. — М., 2002.
3. *Политология*: Словарь-справочник. — М., 2000.
4. *Панина Н.* Структура факторов политического успеха как показатель политической направленности развития электоральной системы // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2002. — № 4. — С.39–63.
5. *Политические институты на рубеже тысячелетий*. — Дубна, 2001.
6. *Пидлуцкая И.* Политические коммуникации: украинский опыт // *Аналитика*. — 2000. — № 5. — С. 17–31.
7. *Костенко Н.В.* Легитимизация стилей политической коммуникации в новостях // *Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства*: Наукові доповіді та повідомлення III Всеукраїнської конференції / За ред. М.О.Шульги, В.М.Ворони. — К., 2003. — С. 463–467.